

Е. А. ЯРОВАЯ (Санкт-Пetersбург)

О ФЕНОМЕНЕ ГЕНУЭЗСКОЙ РОДОВОЙ ГЕРАЛЬДИКИ*

Первые геральдические инсигнии в Генуе возникают в начале XII в.¹ Это, прежде всего, личные эмблемы консулов генуэзской коммуны, которые впоследствии стали передаваться по наследству. А. Агосто предлагает нижеследующую периодизацию развития генуэзской родовой геральдики, отмечая при этом, что связь с конкретными историческими событиями позволяет провести эти границы более четко.

Зарождению геральдики в Генуе в XII в. способствовали, как и во всей средневековой Европе, крестовые походы. Борьба гвельфов и гибеллинов также нашла отражение в геральдической практике. Исходя из этого, *начальным периодом* развития считается XII — середина XIII в.

Приход пополанов к власти в Генуе (1257) совпал с началом формирования системы семейных кланов (альберго), что также не могло не повлиять на процессы самоидентификации знати. Периоды пополанского правления сменялись годами иноземного господства над республикой. При этом одни представители служилого дворянства, приближенные к правящим кругам и облаканные ими, в качестве поощрения получали жалованные гербы или отличительные знаки на собственных фамильных символах, в то время как другие, опальные оппозиционеры, ждали своего часа где-нибудь в Причерноморских владениях Генуэзской республики. Политическая нестабильность, усугубляемая противоборством пополанских лидеров, длилась в течение второй половины XIII — первой четверти XVI в., обозначая *второй этап* данной хронологии.

После очередной смены правительства (1528) трон дожа заняли «старые» нобили из рода Дориа, систематизировавшие состав альберго и закрепившие личные эмблемы в первом официальном гербовнике Генуи. Время их правления определяет *третий период*: 1528—1576 гг.

Завершающим этапом формирования родовой геральдики Лигурии стал период с 1576 г., когда аристократия полностью освободилась от оков

альберго, и до разгрома Аристократической республики войсками Бонапарта в 1797 г.

Обозначив исторический контекст, в рамках которого развивалась генуэзская родовая геральдика, перейдем к конкретным событиям политической истории Генуи за интересующий нас период с середины XIII в. по 1528 г.

Следует отметить, что в начальный период развития генуэзской родовой символики выбор фигур был в достаточной степени упрощен — в качестве эмблемы благородного семейства, как правило, выбирали животное, тоже из благородных (орел, лев) или знаки воинской доблести (перевязь, шахматная клетка — общепризнанный символ поля брани). Непременно вводились элементы, «говорящие», указывающие на значение слова — фамилии рода.

Необходимо также уделить внимание и таким важным вопросам как типология и происхождение генуэзских родов и фамилий. Наблюдается преобладание двух основных типов фамилий-прозваний — «говорящие» и «локальные», соответственно происходящие от патронимов и топонимов. К первому типу относятся фамилии, бывшие прозвища предков, зачастую отнюдь не лестные, такие как Аквавива (в переводе — «живая вода»), Бокканегра («черный рот»), Биша («змея»), Кальво («лысый»), Чикала («цикада»), Чиконья («аист»), Эмбриако («пьяница»), Гамбаротта («сломанная нога»), Грилло («сверчок»), Манджавакка («поедающий корову»), Навоне («брюква»), Порчи («свиньи») и тому подобные. Любопытная история произошла с потомками рыцаря из Вогеры, прозванного *Belloculo* («красивый зад»), — совсем непристойно звучащая фамилия была переделана в благозвучную *Bellocchio* («красивые глаза»). Как правило, на гербовых знаках этих семей встречаются и соответствующие изображения, т. е. гербы эти относятся к категории «гласных».

Так, в гербах членов семей Бачикалупо и Канталупо (*lupo* — волк) будет изображение волка, Канесса и Каневале — собаки (*cane*), Кастаньо и Кастаньола — каштана (*castagno*), Каstellо и Каstellацио — замка (*castello*), Котта — рубахи (*cotta*), Къеза и Делла Къеза — церкви (*chiesa*), Къявари и Сан-Пьетро — ключей (*chiavi*), Пино и Пинелли — шишек (*pino*), Буфферини — быка (*buffo*), Ваккара — коровы (*vacca*), Дельфино и Драги соответственно дельфина (*delfino*) и дракона (*drago*), Луссио — щуки (*luccio*), Тассорелло — барсука (*tasso*), кур и петухов в фамилиях, содержащих этот смысловой корень — Коккарелло, Галло, Къочча, тогда как Монте и Монтеросо — горной гряды (*monte*), только в последнем случае красной (*rosso*), Порта — ворот (*porta*), Палаццо — дворца (*palazzo*) и тому подобные. Лук с крылатой стрелой Амура поместили на родовой инсигнии члены семьи Финаморе (*fin amore*). На генуэзском диалекте *parisola* означает си-

ницу — эта птичка изображена на гербе семейства Парисола. Нестандартный вариант избрали для своего герба представители клана Рустичи (*Rustici*), что в переводе означает «дикость, дикое поведение». Поместив на геральдическом щите изображение дикобраза, члены рода решили сразу две задачи — отобразили «дикий» элемент своей фамилии и подобрали слово, созвучное в произношении семейному имени, — по-итальянски дикобраз *istrice*.

По происхождению аристократические и пополанские дома Генуи можно разделить следующим образом:

- местные, происходящие из Генуи и ее ближайших округов;
- происходящие из более отдаленных земель лигурийской Ривьеры;
- происходящие из прочих областей Италии;
- неитальянского происхождения.

Абсолютное большинство семейств относится к первому типу. Зачастую многие фамилии омонимичны названиям тех поместий, откуда они берут свое начало: это Кабелла, Камольи, Рапалло, Кьявари, Кастильоне, Новара, Овада, Портофино и др. Из более отдаленных районов, таких как Савона, Вентимилья, Ницца, но все-таки расположенных вдоль лигурийского побережья, тоже происходит значительная доля лигурийской знати. Остальные являются выходцами из различных городов и земель, таких как Абрुцци, Ломбардия, Модена, Парма, Рим, Венеция, Тоскана, Умбрия, Романья. При этом количественно преобладают выходцы из Пьемонта, Сицилии и Неаполя, что вполне исторически оправданно многовековыми связями Генуи с этими областями. Что же касается неитальянцев по происхождению, то практически весь цвет лигурийского нобилитета глубоко уходит своими корнями в германские земли. Родоначальники таких династий, как Адорно, Чикала, Эгра, Дель Карретто, Ломеллини, Пиккамильо, Пикенотти, Пинелли, Скварчафико и Висконти, ведут свою генеалогию от родовитых германцев. Среди них попадаются как старые нобили — Чикала, Ломеллини, Скварчафико, Висконти, так и столпы пополарства — Адорно и Пинелли. Из них раньше всех стали генуэзцами Чикала (942), Ломеллини (1190) и Адорно (1200). Род Фьески (Флиско) достоин особого упоминания: Генрих, легендарный основатель его итальянской ветви, в X в. был Баварским ландграфом. Другая историческая легенда гласит, что когда Гвидо, сын графа Адольфа, был назначен наместником императора в Генуе, он получил должность, именуемую по-итальянски *vice-conte* (виконт), отсюда и прозвание Висконти. Потомками полупопаданского графа Адольфа считаются представители знатнейших родов Спинола, Де Турка, Аввокати, Эмбриако, Каstellо, Де Мари, Узо ди Маре и некоторых других.

Фамилии Гаттилузи, Чибо (и ее ответвление — Чеба), как и Делла Греча, по своему происхождению греческие. Семейство Сан Бандино, извест-

ное в Генуе с 1100 г., происходит из испанских грандов. Встречаются и некоторые имена островного происхождения — с Кипра и Корсики. Богатейшие банкиры-нобили Леркари были выходцами из Армении, а на лигурийской Ривьере проживали с 1222 г. Фамилии Тартаро (в Генуе с 1099 г., из этой семьи происходит первый известный консул Солдаи 1371 г. Леонардо Тартаро) и Каффаротто (в Генуе с 1400 г.) говорят сами за себя — соответственно происходят из Крыма, а в последнем случае — конкретно из Каффы, столицы генуэзской Газарии.

Интересным аспектом изучения генуэзской геральдики является выявление преобладающих фигур в гербах местной аристократии. Из естественных фигур самым распространенным изображением на семейных знаках всех времен и народов, классов и социальных групп является лев. Этот постулат М. Пастуро неоспорим и применим ко всей западной геральдике². Лев — истинный король герба — *«roi du blason»* — главный козырь в колоде любого аристократического дома. В средние века преимущество льва перед иными геральдическими символами очевидно. В Новое время его извечный соперник в борьбе за королевский трон — орел наконец победил. Север Италии М. Пастуро причисляет к районам, богатым орлами. В случае с Генуей это не совсем так — из 845 родовых инсигний, приведенных в гербовнике А. М. Дж. Скордза, на 223 помещено изображение льва, на 44 — орла, включая вариации с орликом в вершине герба и 30 изображений крепостных башен. Несмотря на «морскую» ориентированность внешней политики республики, гербов с явно выраженной морской тематикой не так много — только в фамилиях с корнем *«mare»* (море) — Ди Маре, Де Марини, Узо ди Маре и Ультрамарино. У А. М. Дж. Скордза не зафиксировано ни одного геральдического изображения морского судна, хотя это было бы логично, учитывая то обстоятельство, что многие генуэзцы обладали торговыми или военными кораблями.

Не менее важным разграничителем генуэзского общества следует называть «цвета» (*i colori*). Было принято два цветовых различия — «Белые-Маскарадные» (*Bianchi-Mascherati*) и «Черные-Хищные» (*Neri-Rampini*). Это цветodelение представляло собой своеобразный «политический атавизм», наследие старинной вражды между гибеллинами и гвельфами. Отголоски противостояния и гражданских войн Италии в XII и XIII вв. за императора или Папу Римского ощущались и в более позднее время. Борьба гибеллинов и гвельфов охватила Италию, как известно, при Фридрихе II Гогенштауфене (1220—1250). Генуя в целом всегда тяготела к гвельфам, хотя некоторые крупные нобили (такие как Спинола и Дориа) поддерживали императора. Основными борцами на стороне гвельфов были патрицианские династии Фьески и Гримальди. При папе Иннокентии IV (1243—1254), происходившем из рода Фьески, сторонники императо-

ра были изгнаны из Генуи. С этого времени антитеза «белые — черные» превращается в устойчивую идеологему. Примирение враждующих фракций произошло после смерти папы, что позволило изгнанникам вернуться на родину.

Следующая перемена власти произошла в 1335 г. после избрания капитанами лидеров гибеллинской оппозиции Раффаэле Дория и Галеотто Спинола ди Лукколи, верных сподвижников императора. Фьески, окончательно лишенные доверия, вынуждены были сойти с генуэсской политической арены. Большая часть рода Гримальди осела на территории княжества Монако. Для сравнения: в 1300 г. на место гвельфов и гибеллинов после окончательной победы первых во Флоренции приходит новое разделение на партию «черных», в которой ведущую роль играют гранды, и партию «белых», руководимую богатыми ремесленниками, лидерами старших цехов. Кровавая вражда этих партий в течение ряда лет раздирает коммуну Флоренции.

Любопытные совпадения фамильных инсигний флорентийцев и генуэзцев отмечены в гербовнике Виченцо Боргини «О гербах флорентийских семей» (1585)³. Нобильские гербы лигурийских родов Фьески, Леркари, Де Марини, Узо ди Маре и Чикала полностью идентичны таковым у некоторых флорентийцев: соответственно — дельи Инфангати, дельи Амидеи, Альфани, дельи Спино и деи Маниери. Интересно, что все перечисленные генуэсские роды, кроме Чикала, были сторонниками фракции гвельфов, как и большинство флорентийцев. Вероятно, причины подобного совпадения следует искать в геральдической символике этих фамилий, отражающей принадлежность их к гвельфам.

То, что было актуально для середины XIII в., с течением времени теряет свою значимость. В XIV—XV вв. цветовые характеристики воспринимаются скорее как дань традиции. Названия цветов используются для обозначения принадлежности к фракциям. Спинола и Дория доминируют в ряду «белых» нобилей, за ними следуют Вивальди, Каттанео, Грилло, Чентурионе, Скварчафико, Чикала, Имперiale, Де Мари, Пинелли, Нигроно, Гизольфо, Пандзано. Среди «черных» нобилей Фьески и Гримальди соседствуют с Ломеллини, ди Негро, Сальваго, Де Марини, Кальво, Узо ди Маре. Что касается Леркари, Итальяно и Джентиле, они присутствуют как среди одних, так и среди других. Список торговцев-гибеллинов возглавляют Адорно и Де Франки, затем идут Джустиниани и Де Форнари. Группа Фрегозо, Джудичи и Саули образуют торговцев-гвельфов. В ряду «белых» ремесленников — Борласка, Кьявари, Кабелла, Коста, Сан Пьетро, Виньоло и другие. Канесса, Чева, Фольетта, Илломинати, Монелья, Навоне и Сальви принадлежат к ремесленникам-гвельфам. Особняком стоят такие пополанские кланы, как Гварко, Монтальдо, Бокканegra и Ассерето. Они до конца так и не примкнули ни к одной фракции.

Антитеза лев — орел в геральдике Генуи отражает противоборство гвельфов и гибеллинов, где лев — типичная эмблема гвельфов, а орел — гибеллинов. Но и в позднее время многие аноблированные дворяне желали видеть на своих гербовых щитах именно льва с его репутацией «благороднейшего». Из 123 родовых гербов, присвоенных генуэзским гражданам в период с 1500 по 1793 г., на 33 изображен лев. Недаром возникла французская поговорка: «Кто не имеет [родового] герба, тот носит [на щите] льва».

Законы республики не запрещали кому бы то ни было обладать гербом или эмблемой. Для генуэзского правительства использование геральдических знаков всецело зависело от личной инициативы граждан, оставаясь сугубо в частной компетенции. Каждый мог принять герб по своему усмотрению. Лишь в конце XV в. к свободному усвоению герба прибавилось пожалование, которое утвердилось в форме закрепления за жалуемым ранее принятого или унаследованного им герба (М. Пастуро). Впрочем, это обстоятельство нисколько не противоречило общим тенденциям времени, отраженным в геральдических произведениях позднего средневековья, в частности в широко известном трактате «*De insigniis et armis*» («О знаках и гербах») доктора права Бартоло ди Сассофerrато (1313/1314 — около 1358). Трактат увидел свет уже после смерти Бартоло и сразу же был переведен на многие языки. В силу своих юридических интересов Бартоло избирает основной темой трактата проблемы легитимации рыцарских гербов, в том числе и пожалованных. Во многом оправдывая постфактум сложившуюся ранее геральдическую практику в Европе, Бартоло пишет: «Каждый может взять себе гербы и знаки, носить их и изображать на собственных вещах. Если кто, взяв герб или знаки другого, которые тот носит издревле, не причинит этим ущерба или вреда, то пусть возьмет и носит»⁴. Однако и Бартоло, сам введенный в дворянское достоинство и обретший пожалованный императором герб, признает, что существуют ситуации, когда запрещено присваивать чужие знаки. Это прежде всего касается ремесленнических клейм на изделиях, личных печатей нотариусов, а также водяных знаков изготовителей бумаги. Самыми достойными, по мнению автора, должны признаваться пожалованные свыше гербы — они неоспоримы, вечны, почетны. Совпадения же фамильных знаков представителей разных стран следует считать случайными и не придавать этому фатального значения.

Эти постулаты Бартоло кажутся сформулированными на основе генуэзской геральдической практики. Разительной иллюстрацией такого существования по принципу «что не запрещено — разрешено» являет собой фамильная символика старейшего рода Дориа (*D'Auria*). Династия Дориа прослеживает свои корни с середины XI в., когда потомки Ардуэна, герцога Нарбона, стали именоваться по имени матери Орьеты — сыновьями Ории, т. е. Д'Ория. Известно пять вариантов гербов этой семьи. Среди них и по-

следний, современный герб — поле щита поделено на золотой и серебряный, в центре щита черный орел в червлёной короне (*spaccato d'oro e d'argento; all'aquila sul tutto di nero membrata e coronata di rosso*). Легенда гласит, что «имперский» орел был пожалован представителям рода Генрихом VII Люксембургским, императором Священной Римской империи, в октябре 1311 г. в знак благодарности за твердые гибеллинские убеждения. К сожалению, местонахождение подлинного экземпляра эдикта до сих пор не установлено. Сам факт пожалования засвидетельствован авторами поздних рукописных гербовников — О. Гандуччо и Ф. Федеричи и, что особенно важно, в «Генуэзских хрониках» XIV в. (*Annales Genuenses*) Джорджо Стелла. Однако в достоверности этой легенды есть некоторые сомнения. Так, нотариус Доменико Пьяджо, автор свода лапидарных памятников и надгробий генуэзской аристократии, находящихся в церквях города, утверждает, что существует надгробный монумент Бариксония Дориа с геральдическим изображением орла, датированный 1282 г.⁵ Впрочем, это единственное указание на раннее использование орла в качестве фамильного знака Дориа.

Подобные расхождения доказывают, что никакого надзора за использованием геральдических знаков не велось. Более того, члены одной и той же семьи, носители одинаковой фамилии, имели различные гербы. Ф. Федеричи описывает надгробную плиту Бабиано Дориа (1260), где в поле щита изображен шагающий вправо лев, тогда как на погребальной плите представителя этого же рода Эгидия Дориа (1305), по сведениям Д. Пьяджо, щит разделен двойным переменно-противозубчатым поясом (*due fasce contradoppiomerte*). Зубцы, или меандровый орнамент, как и орел, означали принадлежность к фракции гибеллинов. Еще один вариант, подтвержденный Д. Пьяджо, приводит в своем стеммари О. Гандуччо: в золотом поле на голубом круглом щитке двухэтажная башня в серебре (*d'oro alla rotella d'azzurro caricata d'una torre di due piani d'argento*). Это же изображение выбито на надгробии Гавино Дориа из церкви св. Доминика в Генуе, датированном 1309 г. Как видно из приведенных примеров, по крайней мере в двух случаях из пяти металлы полей гербов Дориа — золото и серебро, где золото — намек на корень фамилии *D'Auria* (от лат. *aurum* — золото), а серебро (белый) — свидетельство партийной принадлежности к гибеллинам.

Происхождение герба аристократического рода Чикала тоже отмечено печатью мифологичности. В гербовниках А. Франдзоне и О. Гандуччо даются два варианта фамильной инсигнии Чикала, из которых более ранним признается следующий: в голубом поле — шесть цикад, расположенных вдоль серебряного бордюра (*d'azzurro a sei cicale poste in orlo d'argento*). Перед нами — традиционный пример «говорящего герба», ведь по-итальянски «*cicala*» означает «цикада». Объяснение прозвищу, впоследствии

преобразованному в фамилию, так же как и изображению на гербе, находим в старинной легенде, пересказанной Дж. Бернабо ди Негро⁶. В ней рассказывается о некоем солдате из Вентимильи по имени Помпео, которого во время сражения с отрядом пизанцев внезапно привлекло пение цикад. Победив в битве, Помпео счел услышанное им пение за добрый знак и в память о событиях установил на своем щите серебряные фигурки цикад. Война генуэзцев с Пизой относится к 1280-м годам, видимо, к этому времени следует отнести и появление геральдического знака Чикала.

Одну легенду сменяет другая. В 1432 г. за победу над османами король Владислав II Польский, он же Ягайло (1386—1434), наградил Джованни Баттиста Чикала орденом Белого орла с правом помещения его на фамильном гербе. С той поры и ведет свое существование новый герб рода — в красном поле белый орел, коронованный золотой короной (*di rosso all'aquila d'argento coronata d'oro*). Однако на закладной плите из Солдаи, датированной 1404 г., в память о местном консуле Коррадо Чикала, обнаруживаем по обеим сторонам от герба Генуи изображения одноглавых орлов, увенчанных коронами и с расправленными крыльями. Расхождение в датировках не оставляет сомнений в том, что обе версии о происхождении гербов Чикала так и останутся легендарными.

Единственным документально подтвержденным свидетельством о принятии герба остается статут пополанского альберго Де Франки, утвержденный 5 апреля 1398 г. Описанное в нем известное изображение трех золотых корон в красном поле (*di rosso a tre corone patrizie d'oro poste 2 e 1*) было призвано заменить прежний геральдический знак Де Франки, означенный в акте создания одноименного альберго от 28 января 1393 г. как «в золотом поле натурального цвета сокол» (*falconus unus in campo aureo depictus secundum naturam et colorem falconi*)⁷. Неизвестно, что побудило членов новоявленного альберго изменить герб, принятый пятью годами ранее. Однако сам факт свидетельствует о том, какое громадное значение придавалось геральдической символике в Генуе.

Этот геральдический «произвол» попытался приостановить своими реформаторскими начинаниями дож Андреа Дориа. В 1528 г. был обнародован документ, получивший название «аристократической конституции». Из основных задач реформы Дориа следует вычленить две: во-первых, перепись всех нобилей, «старых» и «новых», граждан республики в так называемую «Книгу города» (*Liber Civilitatis*); во-вторых, распределение фамилий по альберго с позиций политических, а не семейных интересов, разумеется, в пользу старой аристократии. Главной мишенью Дориа были Адорно и Фрегозо: именно их требовалось законным путем раз и навсегда устранить от власти. Общее количество кланов было сведено к 28, причем во главе только пяти из них стояли пополаны — де Форнари, Промонторио,

Де Франки, Саули и Джустиниани. Не вошедшие в список из 28 альберго теряли политическое право на руководство республикой. В результате влиятельнейшие и богатейшие Фрегозо, давние соперники Дориа на политической арене, были приписаны к Альберго II рода де Форнари с сохранением фамильной инсигнии. Древнейшим и могущественнейшим Адорно тоже не было позволено образовать свой клан — они вошли в Альберго XX рода Пинелли. Примечательно, что Пинелли — династия нобильская, и, растворяясь в ней Адорно — оплот генуэзских пополанов, реформаторы во главе с Андреа Дориа дискредитировали саму идею пополанства. Таким образом, почти двухвековое господство пополанов на политическом троне Лигурии было навсегда поколеблено, а эти списки формально и официально закрепляли прерогативу старой аристократии, ее монополию на ведение политической деятельности, из которой они долгие годы были исключены, перед многочисленным племенем пополанов.

¹ *Agosto A.* Le insegne araldiche dei ceti dirigenti a Genova // *Storia dei Genovesi*. Vol. IX. Genova, 1989. P. 177.

² *Pastoureau M.* Traite d'Heraldique. Paris, 1993. P. 192.

³ *Borghini V.* Dell'arme delle famiglie fiorentine. 1585 (ristampa). Firenze, 1990.

⁴ Трактац Бартоло о знаках и гербах / Пер. и публ. А. П. Черных // *Средние века*. Вып. 52. М., 1989. С. 312.

⁵ *Piaggio D.* Monumenta Genuensia o Epitaphia, sepulcra et inscriptiones stemmatibus, marmorea et lapidea existentia in ecclesiis genuensibus. Manuscripto. 1720. Vol. 7. Genova, Civica Biblioteca Berio.

⁶ *Bernabo di Negro G. F.* Op. cit. P. 72.

⁷ *Ibidem*. P. 100—101.